

Соотношение и взаимодействие понятий «права» и «закона», «правомерности» и «законности», «целесообразности» и «политической выгоды» в системе правометрии и единой теории права

The correlation and interaction between the concepts and notions of "jus" and "lex", "lawfulness" and "legality", "expediency" and "political profit" in the system of lawmetry and the unified theory of law

Осипян Б.А.

Канд. юрид. наук, доцент, директор Института Правометрии и Единой Теории и Философии Права и Государства. Бостон, Массачусетс, США
e-mail: artosboris7@gmail.com, borisosipian@gmail.com

Osipian B.A.

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Director of the Institute of Lawmetry and the Universal Theory and Philosophy of the Law and State. Boston, Massachusetts (MA), USA
e-mail: artosboris7@gmail.com, borisosipian@gmail.com

Аннотация

В своей статье автор, исходя из духовно-нравственных истоков надлежащей и непреходящей идеи права, верного правосознания, правомерного и целесообразного государства и закона, подробно рассматривает и анализирует основополагающие для настоящей и большой науки права понятия «право» и «закон», «правомерность» и «законность», «целесообразность» и «политическая выгода» в системе правометрии и единой теории права. В статье показывается то, что указанные выше понятия, которые имеют общий духовно-нравственный и правовой корень и происхождение в реальной жизни людей и общества в целом могут по своему содержанию и практическому действию вовсе не совпадать, а иногда даже непримиримо противоречить и взаимно исключать, если они по разным идеологическим, политическим, экономическим и иным причинам не соответствуют в своём определении и действии богоданной идее права, верному правосознанию и конституционным критериям составления правомерного и целесообразного закона, должного толкования и правосудия, а также устойчивого и постоянно развивающегося общественного и государственного правопорядка. В своих трудах автор статьи даёт своё теоретическое, концептуально-правовое и практическое решение для успешного преодоления существенных содержательных противоречий между понятиями «права» и «закона», «правомерности» и «законности», «целесообразности» и «политической» в процессе самого законотворчества на основании конституционной системы правомерных и целесообразных критериев и правил составления общеобязательных законов, равно как и конституционную систему правомерного и целесообразного толкования и применения положений действующего российского законодательства на всех уровнях.

Ключевые слова: идея права, верное правосознание, «право» и «закон», «правомерность» и «законность», «целесообразность» и «политическая выгода», конституционная система правомерных критериев законодательства, саморазвивающаяся система законодательства.

Abstract

In his article, the author, proceeding from the spiritual and moral origins of the proper and everlasting idea of law (Jus), true legal consciousness, lawful and expedient legal statute (Lex), examines and analyzes in detail the fundamental principles of the proper and great-unified science of law and fundamental jurisprudence. He shows that the proper and everlasting concepts and notions of Jus and Lex, which have a common spiritual, moral and legal root and origin, in the real life of people and society as a whole, may not coincide at all in their content and practical effect. They sometimes even irreconcilably contradict each other, and mutually exclude each other, if they are for different ideological, political, economic and other reasons. do not fully correspond in their definitions and actions to the God-given Idea of Law, the true legal consciousness and correct sense of justice, as well as the constitutional criteria for drafting a lawful and expedient law, its proper interpretation and justice administration. In his writings, the author of the article provides his theoretical, conceptual, legal and practical solution for successfully overcoming significant substantive contradictions between these notions in the process of lawmaking itself on the basis of the constitutional system of lawful and expedient criteria and rules for law drafting, as well as a constitutional system and mechanism for the lawful and expedient interpretation and application of the provisions of current Russian legislation at all levels.

Keywords: the idea of law, true legal consciousness, "jus" and "lex", "lawfulness" and "legality", "expediency" and "political profit", constitutional system of lawful criteria of legislation, self-developing system of legislation.

Соотношение и взаимодействие понятий права и закона, правомерности и законности, целесообразности и политической выгоды в системе правопетрии и единой теории права

«Всё мне позволительно, но не всё полезно; всё мне позволительно, но не всё назидает. Никто не ищи своего, но каждый пользы другого. ...Ибо Господня земля, и что наполняет её. Совесть же разумею не свою, а другого; ибо для чего моей свободе быть судимой чужою совестью» [1].

В Священном Писании, Библии, ясно и однозначно сказано, что во всех случаях необходимого исполнения противоправных, неправомерных, разрушительных и пагубных законов и приказов начальников каждому разумному, свободному и ответственному человеку «должно повиноваться больше Богу, нежели человекам» [2]. Иными словами, если те или иные государственные законы противоречат высшей, правомерной и благой воле всемогущего Бога-Создателя, как единственного Суверена-Властедателя, Законодателя, Правителя и Судьи, то люди добросовестно должны исполнять волю Бога, а не богопротивную, неправомерную и пагубную законодательную волю разных безбожных и неразумных законодателей, правителей и судей [3].

Вот что в своё время в созвучии с Библейской мудростью святой Фома Аквинский о несправедливых, или неправомерных законах говорил следующее: «...Законы могут быть несправедливыми..., поскольку противоречат Божественному благу. И таковы законы тиранов, которые насаждали язычество или что-либо иное, противное Божественному закону. И таковые законы соблюдать нельзя ни в коем случае [4]: ...Власть, которую начальствующие получают от Бога, не распространяется на установление неправомерного (несправедливого) закона; поэтому человек не обязан ему подчиняться, если сопротивление возможно без нанесения более сильного вреда и без большего возмущения среди людей» [5]. Таковы духовно-нравственные истоки истинного и верного осознания надлежащей и непреходящей идеи права, правомерного и целесообразного закона [6].

Всякое правомерное и целесообразное действующее законодательство должно целиком основываться на конституционной системе правомерных, конституционных критериев, проистекающих из духовно-нравственных смыслов, правоохраняемых идей, ценностей, целей,

принципов, институтов, функций [7]. Такое законодательство должно правомерно и целесообразно связывать в определенной мере разумный свободный выбор и ответственное действие, прежде всего, самого национального законодателя, правомерная и целесообразная воля которого должна быть общеобязательной для всех должностных лиц исполнительной и судебной властей [8].

Как верно заметил в своё время известный французский учёный правовед Л. Дюги, правомерное и целесообразное государство не может издавать ни одного закона, могущего помешать свободному физическому, умственному и нравственному развитию человека [9]. Оно также, согласно произведённой в 1791 г. первой поправке к Конституции США 1787 г. не может законодательно запретить правомерно и конституционное право народа собираться мирно и обращаться к Правительству с петициями о прекращении чиновничьих злоупотреблений [10].

По поводу взаимосвязанности духовно-нравственных и правомерных запретов с уголовно-правовыми запретами в своё время И. Кант писал следующее: «В морали человек подчинен только своему собственному и тем не менее всеобщему законодательству» [11]. Стало быть, мера свободно реализуемой уголовно-правовой ответственности, т.е. личной способности и реальной возможности для законопослушного поведения, во многом зависит также и от, так сказать, морального законодательства каждого человека, который предусматривается уголовным законом как вмняемое лицо и ответственный правовой субъект уголовного права и законодательства [12].

В безбожное советское время, тогда, когда богоданные слова в их истинном, истинном и в систематическом понимании не имели никакого надлежащего, правомерного и полезного смысла, такие основополагающие категории и юридические понятия, как «право» и «закон» (на латыни «Jus» and «Lex», по-армянски «Դրամբար» и «Օրենք»), «правомерность» и «законность», «целесообразность» и «политическая выгода» были искусственно и неверно смешаны друг с другом и по этой причине никогда не имели определённого смысла, верного единообразного значения и должной упорядочивающей силы на поведение как отдельных людей, так и всего общества и государства в целом [13].

В той недавней безбожной, духовно и нравственно невежественной, «идеологически и политически подкованной» прошлой жизни везде и всюду всякими самоуверенными партийными функционерами, казёнными «учёными юристами» и «пропагандирующими карьеристами» непрерывно говорилось о необходимости единообразного действия права, закона, уважении достоинства и личной добросовестности, законных правах и свободах каждого человека и гражданина, неуклонном соблюдении «социалистической законности», «правосудия» и «правопорядка», но предполагалось, мыслилось, преподавалось и делалось совершенно противоположное: поощрялась замаскированная понятиями «коммунистической партийности» и «советского патриотизма» шкуруо-спасительная ложь, полуправда, искажённый «социалистический реализм», «научный атеизм» и «научный коммунизм» в условиях «развитого социализма» [14].

Казалось бы, эпоха всеобщего суеверия, духовно-нравственного и политико-правового невежества и бесправия осталась далеко позади, - и мы в условиях «официального православия» и передовой российской правовой науки существенно продвинулись вперёд в своём правильном понимании идеи права и закона, наступившей «капиталистической законности», «демократического законодательства», «состязательного правосудия», свободного и устойчивого «административного управления» и донныне развивающегося «рыночного правопорядка». Однако, это, к сожалению, очень далеко от того, чтобы стать и быть очевидной истиной и правдой в нашей повседневной общественной и политической жизни [15].

В этом контексте представляется, что одной из главных причин всех наших духовно-нравственных, полных многообразных суеверий и заблуждений, политико-правовых недоразумений и других больших жизненных неудач является наше ещё далеко не зрелое и традиционно неверное правосознание, затемнённое и искажённое восприятие надлежащей и

непреходящей идеи права, понятия правомерного и целесообразного закона, правомерной системы действующего законодательства, должного и скорого ответственного правосудия, а также внутренне мощного и внешне ненасильственного, естественного и устойчивого правопорядка [16].

Каково же верное соотношение и наиболее гармоничное взаимодействие понятий «права» и «закона», «правомерности» и «законности», «целесообразности» и «политической выгоды» того или иного изнутри неправомерного, но вовне «законного» («легитимного») правящего режима?

Представляется, что верное определение понятия права объективно должно исходить из изначального предположения (основополагающей научной гипотезы) богоданной идеи права, достоинства, неотъемлемых прав, свободы и ответственности каждого здравомыслящего человека, а не от тех или иных разнообразных субъективных наукообразных выдумок и мнений (от русского слова «мнить», «сомневаться») разных безбожных, бездуховных, материально озабоченных, тщеславных и властолюбивых, духовно и нравственно невежественных и самоуверенных членов того или иного научно-образовательного учреждения или академического сообщества [17].

Дело в том, что верное сознание и правосознание, достоинство и добросовестность, почин и ответственность даны Богом-Создателем вовсе не каким-то самозванным человеческим союзам и объединениям, а только лично каждому из Своих богообразных и богоподобных, добросовестных и разумных человеческих созданий. Каждый духовно и научно одарённый и образованный человек имеет богоданное «право» верно и добросовестно сознать с Богом и лично разумно познать надлежашую и непреходящую идею права, как высшую и благоую для всех волю всемогущего Господа Бога, которая должна быть выражена во всех общеобязательных международно-правовых и конституционных законах цивилизованных государств [18].

И только в свете этой истины полностью отпадает вопрос о том, что должно преобладать в личной и общественной жизни людей – «сила права», или «право силы», так как перед святой, истинной, праведной, правомерной и целесообразной (провиденциальной) волей Бога-Создателя всякие нечистые, неистинные, неправильные и вредные человеческие законы и правительственные режимы в одночасье превращаются из воображаемой и видимой силы и временной идеологически и политически упорядочивающей способности и мощи в «ничто». Ярким примером сказанного является внезапное исчезновение с лица земли многих исторически многовековых «великих империй», начиная с древнего Вавилонского царства, Персидской, Римской, Австро-Венгерской и Российской империй и вплоть до семидесятилетнего коммунистического режима Советского Союза [19].

Отсюда проистекает первый вывод о верном соотношении понятий «права» и «закона»: богоданна и непреходящая идея права в пространстве и времени всеобща, упорядочивает всякую жизнь, общепользна, душеспасительна и всеильна – поэтому всякие иные несообразные и противодействующие этой всемогущей истине, правде, порядку и спасительному действию выдуманные, обманом и насилием действующие временные человеческие законы и установления изначально неправомерны и нецелесообразны, так как противоречат высшей и благой воле Бога-Творца – высшего и настоящего Суверена, Законодателя, Правителя и Судьи [20].

Например, взрослый человек должен иметь данное по закону Божьему право на личное самоопределение и духовно-нравственную жизнь согласно своему призванию и профессиональному предназначению [21]. Он, в частности, должен иметь правомерное и законное право в меру и в пользу для своего здоровья и весёлой души во время необходимого отдыха пить хорошее вино, есть определённую пищу и веселиться. Между тем, некоторые государственные законы в разных странах могут напрочь идейно, религиозно, политически и законодательно неправомерно и нецелесообразно запретить или крайне ограничить такое «законное право» разумного, достойного, добросовестного, свободного и ответственного

человека жить по своей правомерной и целесообразной воле, соблюдая общественный порядок [22].

Мы очень хорошо знаем вредные и пагубные последствия таких не совсем разумных, необдуманных, неправомερных законодательных запретов и ограничений на примерах пресловутого неправомерного конституционного «сухого закона» США в 1820-х годах, репрессивных законов фашистской Германии 1930-х годов, «горбачёвского» СССР во второй половине 1990-х годов: незаконное и пагубное для человеческого здоровья некачественное самогонование, возросший уровень смертности, бурно растущая спекуляция алкогольными напитками, вырубка традиционных плодоносных виноградников, кровопролитные перестрелки между преступными кланами в условиях так называемой «свободной рыночной экономики» [23].

Одним из наиболее ярких образцов противоправного, неправомерного и неконституционного государственного законотворчества является, так называемое, «чрезвычайное законодательство» гитлеровской Германии начала 1930-х годов, когда после прихода к власти политической партии национал-социалистов был издан закон, отменивший действие конституционного принципа необходимого разделения законодательной и исполнительной властей, равно как и принцип верховенства положений действующей тогда Конституции кайзеровской Германии. Речь идёт о «Законе в целях устранения бедствий народа и государства» от 24 марта 1933 г., в статьях 1 и 2 которого устанавливалось то, что имперское правительство вправе издавать свои законы, которые могут не соответствовать положениям имперской конституции [24].

Противоправными и неправомерными германскими законами 14 июля и 1 декабря 1933 г. были «Закон против образования партий» и «Закон об обеспечении единства партии и государства». Эти законы, провозглашая Национал-Социалистическую Германскую Рабочую Партию (НСГРП) единственной политической партией в стране, фактически запрещали создание других оппозиционных политических партий в стране и закрепляли чёткую однопартийную систему посредством официального объявления этой единственной политической партии руководящей, направляющей и движущей силой всего немецкого народа, установления единства партии, народа и государства под руководством членов этой партии, которые занимали все ответственные управленческие и руководящие должности [25].

В § 1. Закона против образования новых политических партий официально провозглашалось: «В Германии существует в качестве единой партии Национал-социалистическая германская рабочая партия». В параграфах § 1. и § 3. «Закона об обеспечении единства партии и государства» закреплялось, что «после победы национал-социалистической революции Национал-социалистическая германская рабочая партия является носительницей германской государственной мысли и неразрывно связана с государством... На членов Национал-социалистической германской рабочей партии в качестве ведущей и движущей силы национал-социалистического государства возлагаются повышенные обязанности в отношении вождя, народа и государства. За нарушение своих обязанностей они подлежат особой партийной подсудности». В ст. 2 и 4 «Закона о переустройстве империи» от 30 января 1934 г. устанавливалось: «Права верховенства областей переходят к империи. Имперское правительство может создавать новое конституционное право». «Закон о верховном главе Германской империи» от 1 августа 1934 года производил неправомерное совмещение двух важнейших ключевых постов в следующей редакции: «§1. Должность президента империи объединяется с должностью рейхсканцлера» [26].

Противоправные и неправомерные государственные законы издавались также в ряде других стран, которые из-за их безбожной (атеистической) идеологии и пропаганды страдали режимами культа личности и парализующего тоталитаризма. Как мы уже говорили выше, в странах бывшего Советского Союза после так называемой «Великой Октябрьской Социалистической революции», но по сути большого «октябрьского переворота»

1917 г. в России на основе сугубо идеологического «революционного правосознания» был издан целый ряд противоправных, неправомерных и криминогенных общеобязательных законов, которые сопровождались массовыми политическими репрессиями и поздним советским застоём. Например, так неправомерно и деструктивно действовали уголовные и административные законы о паспортном режиме, как отголоска отсталого царского «крепостного режима» [27].

Положение о паспортном режиме в СССР, утвержденное постановлением Совета Министров СССР 29 августа 1974 г. за № 677, которое на основании и во исполнении, конституционного пробела фактически отменило правомерное и целесообразное конституционное право российских граждан на свободное передвижение и выбор места жительства. Некоторые противоправные, неправомерные, нецелесообразные советские законы и подзаконные акты по борьбе с подсобными хозяйствами прививали гражданам чувство правового противостояния, привычного всеобщего страха, морального равнодушия, безразличия и личной безответственности, нескрываемого недоверия к неправомерной насильственной деятельности административных, правоохранительных и судебных органов [28].

Важно отметить, что при безбожном и противоправном советском, социалистическом и коммунистическом режимах (с 1917 по 1987 г.) в Советской России и СССР, к сожалению, не было и не могло быть осмысленной истории права, как таковой, как в теории, так и в практике, не было понятия о богоданной надлежащей и непреходящей идеи права и верного правосознания, правомерного государственного закона, правосудия, а также саморазвивающегося конституционного правопорядка [29]. Вместо них правовой наукой и повседневной жизнью управляли буйные чувства, так называемого, «революционного правосознания», «научного атеизма и коммунизма», «принципы партийности», «социалистической законности», «внутреннего убеждения судей», «социалистического реализма» и т.п. [30].

Можно не сомневаться, что глубокое осознание, истинные и обоснованные представления о надлежащей идее права, о его духовных, нравственных и идейных корнях в какой-то мере могли бы способствовать существенному эволюционному обновлению народного правосознания и духовной конституции каждого идеологически одурманенного человека и народа в целях их личного свободного и ответственного самоопределения согласно их богоданному призванию и жизненному предназначению. Нормальному ходу государственно-правового развития могло только способствовать усвоение всем народом духа и чувства истинной любви, милосердия и веры, нравственной умеренности, нового духовно-нравственного мышления, общественное единства, мира и безопасности [31].

В безбожные советские периоды, так называемого, бурного «социалистического и коммунистического строительства» [32] богоданная идея права, верного правосознания и понятия «правомерности» и «целесообразности» было полностью идеологически зачищено и подменено произвольными и выдуманскими понятиями «революционного правосознания» и «социалистической законности». Под которыми казённые советские учёные праведы и юристы-законоведы обычно понимали не что иное, как бессовестное неуклонное, единообразное и точное исполнение изданных государством противоправных, неправомерных и даже криминогенных законов, а также многообразных идеологически приправленных, заквашенных, искажённых подзаконных актов, разного рода партийно-пропагандистских постановлений и решений [33].

Однако, противоправные, неправомерные и криминогенные общеобязательные законы принимались и донныне принимаются не только в так называемых «фашистских, тоталитарных и деспотических государствах», но также в безбожных и деморализованных «демократических странах», которые, входя в совершенно другую противоправную крайность неправомерной, нецелесообразной, неумеренной, безответственной свободы и вседозволенности, также чуждаются сознания богоданной идеи права, верного правосознания, правомерного и целесообразного закона [34].

К примеру, в повседневной жизни многих политически развитых современных европейских стран и народов наблюдается уже совершенно противоположное явление, когда государственные законы официально, но безнравственно, неправомерно и безответственно позволяют людям совершать разные преступления (противоправные медицинские опыты, аборт, клонирования, неупорядоченные половые связи, постыдные браки мужчин и женщин (содомия), «благую самовольную смерть», или «заказное самоубийство» («эвтаназию») и мн. др. традиционные грехи, правонарушения и преступления [35].

Очевидно и разумеется, что во всех этих ужасных и вопиющих случаях понятия богоданной «идеи права», «надлежащего и непреходящего права», «правомерного и целесообразного закона», - и «противоправного, неправомерного, криминогенного и пагубного государственного закона», «правомерности» - и «законности», «целесообразности» - и «сиюминутной политической выгоды» не просто не совпадают друг с другом, но и являются совершенно взаимно противоречащими и исключаящими друг друга понятиями, так как изначально святое, истинное, правое, упорядочивающее, полезное и спасительное [36] никак не может быть искусственно совмещено с чем-то изначально греховным и преступным, грязным, неистинным, противоправным, неправомерным, хаотичным, разрушительным и смертоносным, т.е. полностью противоречащим богоданной жизни, здоровью, достоинству, доброй совести, разуму и упорядоченной жизни [37].

Во всех этих безобразных случаях, когда богоданная, нерукотворная надлежащая идея права, верное правосознание, понятие правомерности, правомерного и целесообразного общеобязательного государственного закона дьявольски или глупо приравнивается, или неузнаваемо смешивается с рукотворным и из пальца высосанным человеческим неконституционным «законным правом», якобы, данным от государства, мы видим разрушения и болезни, которые ведут к неминуемому краху и смерти не только отдельных людей и народов, но и всего не совсем сознающего идею права, правомерного и целесообразного закона человечества в целом [38].

Возникает естественный и почти риторический вопрос: что же происходит в жизни отдельных людей и народов, когда богоданная идея права, понятие правомерности и целесообразности общеобязательного и созидательного государственного закона злоумышленно или неразумно подменяется безбожно, неправомерно, «чрезмерно демократично» [39] составленным, самовольно и своекорыстно установленным подавляющим свободную и ответственную волю человека, смиренно-гнобительным «государственным законом»?

Неизбежно происходит то, что достойные, разумные и правомерно свободные люди насильно, под угрозой страха перед предполагаемым «законным» уголовным наказанием за нарушение «неправомерного и нецелесообразного», «антиконституционного и пагубного» государственного закона, постепенно начинают терять своё богоданное достоинство, личную инициативу и ответственность, таким образом, уподобляясь не свободолюбивому Господу Богу, а подневольному, бессловесному и безвольному стаду, которое уже не способно жить по-Божески, свободно и ответственно творить и мирно жить [40].

По причине и на фоне такого безбожного и бессмысленного, неразумного, серого и нудного существования многие духовно, нравственно, юридически и политически непродвинувшиеся и необразованные народы время от времени неминуемо погружаются в беспорядок разного рода кровопролитных восстаний, революций и гражданских войны, а также при условии суеверного восприятия своего видимого величия и сатанинской гордости, как религиозно и идейно одержимые, распространяют всю мерзость своего воинствующего и разрушительного национального духа на соседние миролюбивые страны и просвещённые народы [41].

Единственным и наиболее верным и действенным способом предотвращения всех безбожно, неправомерно и чрезмерно «демократических», или безбожно, неправомерно и чрезмерно «тоталитарных» стран от осуществления их изначально неправомерной и неконституционной, нецелесообразной и разрушительной жизнедеятельности является вовсе

не идеологические и политические угрозы или вооружённые противостояния и кровопролитные подавления, а духовно-нравственное и право-идеологическое просвещение и образование этих духовно, нравственно и юридически незрелых и несовершеннолетних народов, обучение их надлежащей и непреходящей идее права, правомерного и целесообразного основного конституционного закона и государства, должного и скорого правосудия, а также устойчивого и саморазвивающегося общественного и конституционного правопорядка [42].

Что касается таких краеугольных для создания и развития единого основательного правоведения (фундаментальной юриспруденции) и единой теории права понятий «правомерности» и «законности», то они в духовном и идеальном, теоретическом и практическом смысле должны быть всегда и везде созвучны, однако в действительной жизни отдельных людей и народов, они могут быть совершенно и непримиримо противоположны, как взаимно и действенно исключаящие друг друга явления [43].

Например, когда тот или иной судья при решении какого-то конкретного вопроса или дела вдруг обнаруживает то, что подлежащий применению общеобязательный закон или подзаконный акт явно противоречит здравому смыслу, либо его доброй совести, либо его верному сознанию и пониманию идеи права, правомерности и целесообразности, то он стоит перед дилеммой: осуществить свои судебские полномочия и обязанность буквально применить этот изначально неправомерный и нецелесообразный закон с ясным и добросовестным осознанием того, что единообразное применение этого закона приведёт к пагубным последствиям в личной и общественной жизни; с другой стороны, этот же судья при незаконном (нелегитимном) его правомерном и целесообразном (не разрушительном, созидательном) отказе от выполнения своих прямых законом предусмотренных судебных обязанностей применить закон, может быть привлечён к тому или иному виду правовой ответственности и наказан по всей строгости закона [44].

Таких необычных случаев (правовых казусов), при которых юридически законное (легитимное) и формально ответственное поведение [45] непременно противоречит правомерному, но противозаконному и действительно ответственному поведению тех или иных субъектов права, в истории разных народов всегда было и неизбежно будет великое множество, так как изначально никакой сугубо или «слишком человеческий» закон, так же, как и все люди, сам по себе всегда не совершенен и ничего не довёл до совершенства по причине своей предполагаемой и реально возможной погрешности и ошибочности, неполноты (пробельности), побочного или явно вредного воздействия (дисфункциональности) [46] на свободную, ответственную повседневную личную, общественную и государственную жизнь [47].

Научно-обоснованное и правильное практическое решение этой одной из самых важных и серьёзных проблем правомерного и целесообразного действия идеи «живого права» и саморазвивающейся судебно-правовой системы права дано в таких авторских научных диссертациях и фундаментальных монографических научных трудах, как «Трансформация права в закон» (1990 г.), «Дух правометрии, или основание межерологии права» (2009 г.), «Возможности укрепления правовых основ Российского государства органами конституционного правосудия» (2009), а также в нескольких сотнях опубликованных научно-правовых статьях по основательному и отраслевому правоведению [48].

В частности, концептуальное и конкретное окончательное юридическое решение именно этой, казалось бы, неразрешимой проблемы противоречия понятий «правомерного и целесообразного закона» и «противоправного», «неправомерного», «нецелесообразного», «разрушительного» и даже «криминогенного» позитивного закона государства представлено в таких научно-правовых статьях, как «Идея саморазвивающейся правовой системы», «Верное правосознание как путеводитель надлежащего законодательной и судебно-правовой системы государства», «Роль высокого профессионального и общественного правосознания в развитии законодательной и судебной системы государства», «Конституционная программа и механизм самообновляющейся и саморазвивающейся судебной и законодательной

системы», «Идея и предполагаемый проект конституционной системы правовой ответственности российских законодателей», «Конституционная система правомерного толкования государственных законов, нацеленная на запрограммированное саморазвитие государственно-правового порядка в России» и многих других опубликованных за последние три десятилетия научных статьях [49].

Необходимо отметить, что теоретическое, научно-концептуальное и тем более практическое решение подобных наиболее трудных и настолько же необходимых и важных проблем основательной (фундаментальной) и отраслевой юриспруденции совершенно невозможно без верного и чёткого научного определения и различения самих краеугольных понятий надлежащей и непреходящей идеи права, верного правосознания, правомерности, правомерного и целесообразного государственного закона, которым под личиной научно и «демократически» обоснованного принципа «законности» и «порядка» в условиях неправомерного и пагубного действия не очень юридически просвещённых и образованных, и насильственных (репрессивных) государственно-политических режимов явно противостоят и тормозят суеверные и субъективно блуждающие личные мнения, недоразумения и заблуждения относительно непрременной обязательности буквально точного и единообразного применения всякого изначально «противоправного», «неправомерного», «нецелесообразного», «пагубного» и «криминогенного» позитивного закона [50].

В свою очередь, такое верное, существенное, содержательное и чёткое теоретическое, научно-концептуальное и практическое различение таких изначально жизненно, научно и практически взаимосвязанных, иногда полностью, а иногда частично совпадающих и внешне подобных друг другу, но на деле весьма разных понятий «права» и «закона», «правомерности» и «законности», «целесообразности» и «политической выгоды» возможно только в свете истины духа и системы правометрии и единой теории права, которые изначально содержат в себе всевозможные и поддающиеся ограниченному человеческому разуму и рассудку духовно-нравственные, религиозные, языковые, демографические, экономические, политические, культурные, этические и эстетические измерения позволят всем мыслящим учёным и даже простым здравомыслящим людям верно различать добро и зло, правое и левое, истинную веру и многочисленные суеверия, полезные духовные и научные знания - и безбожные, сомнительные и наукообразные пагубные недоразумения и заблуждения на глобальном уровне [51].

Согласно общеправовому принципу функциональной целесообразности всякого общеобязательного закона общепризнанные в п. 3 ч. 3 ст. 12 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. конституционные права и свободы человека могут быть правомерно ограничены только парламентским законом и только в той мере, в какой это необходимо для должной охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья и нравственности населения, или прав и свобод других людей. Для правомерного и целесообразного государства этот международно-правовой принцип настолько важен, что за его нарушение в конституциях и законодательстве ряда цивилизованных государств мира законодательно предусматривается административно-правовая или уголовно-правовая ответственность и наказание [52].

Например, на основании ч. 3 ст. 55 Конституции Испании 1978 г. «незаконное или неоправданное приостановление действия прав и свобод влечет за собой уголовную ответственность за нарушение признанных законными прав и свобод». Важность и особая ценность действия неотъемлемых основных прав и свобод человека выражается также и в том, что многие конституции европейских стран начинаются непосредственно с их перечисления или заявления об их необходимой и надежной защите. Об этом явно свидетельствуют заглавные положения конституций многих государств: Германии, Греции, Италии, Испании, Франции, Японии [53] и т.п.

Главная цель и авторское послание данной статьи об общем духовно-правовом смысле и существенном различии понятий «права» и «закона», действительной «правомерности» и формальной «законности», провиденциальной и высшей «целесообразности», своекорыстной

и сиюминутной «политической выгоды» как раз и заключается в том, чтобы по возможности максимально привить своим читателям глубокомысленным и взыскательным читателям высокий духовный и научный вкус, верные и надёжные подходы к необходимому и полезному освоению существенно нового в мировой и отечественной теоретической, философской и правовой науке духовно-вероучительного метода надлежащего правосознания в системе правометрии и единой теории и философии права, а также правомерного и целесообразного государства, правильных и успешных методов настоящего государственного строительства, устойчивого и постоянно развивающегося общественного правопорядка [54].

Литература

1. Августин Блаженный. О граде Божиим. Минск-Москва, 2000. [3, С. 125].
2. Аквинский Ф. Сумма теологии. Т. 4. Вопросы 68-114. М., URSS. 2011. [4, С. 352]. [5, С. 353].
3. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. МГУ, Норма, 1998. С. 78. [8].
4. Библия. Новый Завет. 1 Коринфянам, 10:23-24, 28-29. [1]. Деяния, 5:29. [2].
5. Гегель. Философия права. М., 1990. [12, С. 25].
6. Дюги Л. Конституционное право. М., 1908. [9, С. 794].
7. Кант И. Сочинения в шести томах. М., 1963-1966. Т. 4. [11. С. 274].
8. Конституции буржуазных государств. М., 1982. [10, С. 32]. [53, С. 55].
9. Лазарев В.В. Проблемы в праве и пути их устранения. М., 1974. [28, С. 14].
10. Осипян Б.А. Верное правосознание как путеводитель надлежащего развития законодательной и судебной-правоохранительной системы государства //Научная мысль. 2017. № 4. [6, С. 9-20].
11. Осипян Б.А. Возможности укрепления правовых основ Российского государства органами конституционного правосудия. М., 2009. 365 С. [С. 54, 3-5].
12. Осипян Б.А. Высший смысл и назначение закона // «Чёрные дыры» в российском законодательстве». 2006. № 4. [36, С. 73-79].
13. Осипян Б.А. Главная причина кровавых русских революций и братоубийственных гражданских войн (часть 1) //Вопросы права, экономики и технологий. 2024. № 1. [27, С. 16-29].
14. Осипян Б.А. Диссертация. Трансформация права в закон. Автореферат диссертации. Москва, ИГП АН СССР, 1990 г. М., [13, С. 1-21].
15. Осипян Б.А. Дух правометрии, или основание межерологии права. М., Юрлитинформ. 2009. 656 С. [48, С. 55].
16. Осипян Б.А. Духовно-вероучительный («Spirito-Fideo-Gnostic») метод надлежащего правосознания в системе правометрии //Научная мысль. 2019. № 3. [54, С. 44-60].
17. Осипян Б.А. Идея саморазвивающейся правовой системы //Журнал Российского права. 2004. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. № 4. [29, С. 71-79].
18. Осипян Б.А. Изначальная неправомерность и несостоятельность идеи мирового государства //Вопросы правоведения. 2013. № 4 (20). [41, С. 427-439].
19. Осипян Б.А. Исторический опыт становления и действия Конституции США // Гражданин и право. 2021. № 11. [39, С. 81-91].
20. Осипян Б.А. Конституционная система правомерных критериев законотворчества //Конституционное и муниципальное право. 2008. №. 23. [46, С. 2-8].
21. Осипян Б.А. Конституционно-судебная проверка правомерности международных и внутригосударственных договоров. //Московский журнал международного права. МГИМО. 2007. № 2 (66). [38, С. 186-198].
22. Осипян Б.А. Корень понятия «правомерность» //Современное право. 2008. № 1. [43, С. 69-78].

23. Осипян Б.А. Крах бездуховной юриспруденции и будущее общечеловеческого правового сознания, образования и науки //Правовая реформа: история, теория, практика, техника. Бабаевские чтения. Сборник научно-правовых статей по материалам Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 31 мая 2024 года). № 5. [17, С. 404-425].
24. Осипян Б.А. Критерии правомерности типов и форм государства //История государства и права. 2007. № 18. [42, С. 7-11].
25. Осипян Б.А. Некоторые важные проблемы фундаментальной юриспруденции //Представительная власть-XXI век. 2005. № 4 (64). [37, С. 21-25].
26. Осипян Б.А. Перспективы развития мирового правосознания и правопорядка //Вопросы управления. 2018. № 4 (34). [51, С. 5-13].
27. Осипян Б.А. Плоды швейцарского правосознания и правопорядка //Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. 2023. № 3 (22). [25, С. 9-28].
28. Осипян Б.А. Политико-правовые и идеологические концепции как основание формирования государственно-конституционной системы общества //Государство и право. 2009. № 7. [14, С. 61-71].
29. Осипян Б.А. Понятие, признаки и элементы состава преступления //Юридический вестник ДГУ, 2016, № 2. [35, С. 110-120].
30. Осипян Б.А. Право как верный путь к порядку и душеспасению, или направления действия надлежащей и непреходящей идеи права //Религия и право. 2015. № 3. [20, С. 28-38].
31. Осипян Б.А. Право как проявление совершенного закона свободы и ответственности человека //Вопросы правоведения. 2012. № 3 (15). [45, С. 65-80].
32. Осипян Б.А. Понятие правомерности, или межерологии права. //Государство и право. 2005. № 8. [18, С. 14-19].
33. Осипян Б.А. Правомерное и целесообразное различие разных видов юридической ответственности физических, должностных и юридических лиц // «Чёрные Дыры» в Российском законодательстве. 2018 № 1. [44, С. 16-22].
34. Осипян Б.А. Правомерный закон и законодательный произвол //Адвокат. 2009. № 7. [50, С. 83-88].
35. Осипян Б.А. Причины неправомερных действий и поступков: духовные, научные и практические аспекты //Российский юридический журнал. 2009. № 4 (67). [15, С. 71-78].
36. Осипян Б.А. Принцип правовой сообразности юридического закона //Законодательство и экономика. 2009. № 6. [16, С. 7-16].
37. Осипян Б.А. Принцип функциональной целесообразности юридического закона //Законодательство и экономика. 2009. № 2. [16, С. 60-68].
38. Осипян Б.А. Противоречивость дореволюционного российского законодательства как существенное условие будущих революционных потрясений //История государства и права. 2009. № 14. [19, С. 31-34].
39. Осипян Б.А. Религиозное происхождение и взаимодействие принципов и норм нравственности, и права //Представительная власть-XXI век. 2006. № 7. [40, С. 19-22].
40. Осипян Б.А. Роль высокого профессионального и общественного правосознания в развитии законодательной и судебной системы государства //Право и государство: теория и практика. 2017. № 12. [49, С. 42-53].
41. Осипян Б.А. Смысл государственного строительства, управления и правосудия //Право и жизнь. 2014. № 194 (8). [32, С. 61-84].
42. Осипян Б.А. Понятие и сущность осознанного и настоящего государственного строительства //Наука. Общество. Государство. 2019. Том. 7. № 4. (28). [30, С. 5-15].
43. Осипян Б.А. Соотношение и связи объективного закона, надлежащей идеи права и правомерного юридического закона //Общество и право. 2010. № 4 (31). [23, С. 40-45].
44. Осипян Б.А. Трансформация права в закон: духовные, научные и практические аспекты //Государство и право. 2006. № 10. [13, С. 43-50].

45. Осипян Б.А. Юридическое определение понятия уголовного наказания //Юридический вестник ДГУ. 2017. № 1. [52, С. 113-123].
46. Фрайер П.Г. Альберт Швейцер. Картина жизни. М., 1982. [31, С. 189].
47. Хайек Ф. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М., 2016. [7, С. 15].
48. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. М., 1984. [24, С. 364-365, 366]. [26, С. 367].
49. Юридический энциклопедический словарь. М., 1984. [33, С. 101].
50. Berman H. J. Law and Revolution. Vol. 2. The Impact of the Protestant Reformation on the Western Legal Traditions. Boston, 2003. [21, P. 4-5].
51. Black's Law Dictionary /Fifth Edition. Bryan A. Garner. Editor in Chief. Thomson Reuters. 2016. [47, P. 468].
52. Breen T.H. The Character of the Good Ruler Puritan Political Ideals in New England (1630-1730). New Haven, CT. 1970. [22, P. 15].
53. Casey J. Constitutional Law in Ireland. Dublin, 2000. [34, P. 12].
54. Christianity and Democracy: Past Contributions and Future Challenges. Emory International Law Review. 6. 1992. [10, P. 24].